

АКСОЙ (AKSOY) против ТУРЦИИ

Судебное решение от 18 декабря 1996 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

Заявитель, г-н Аксой, турецкий гражданин 1963 г. рождения, был арестован по подозрению в террористической деятельности и содержался под стражей в полиции, и в Главном управлении по безопасности в Кизилтепе на юго-востоке Турции в конце ноября 1992 г. Его содержали под стражей по меньшей мере 14 дней и освободили 10 декабря 1992 г.

По словам заявителя, в полиции его подвергли такой форме пытки, как “Палестинское подвешивание”, когда его подвешенного за руки, обнаженного пытали электрическим током, били и оскорбляли словесно. Он заявлял, что в результате подвешивания его руки потеряли способность двигаться. Правительство отвергало эти утверждения и настаивало на их необоснованности.

8 декабря 1992 г. заявитель предстал перед прокурором в Мардине, который, допросив его, издал приказ о его освобождении. Имеются разногласия по поводу того, говорилось ли вообще о физическом состоянии г-на Аксой во время проведения допроса прокурором, и жаловался ли он прокурору на то, как с ним обращались во время содержания под стражей. Однако, 15 декабря г-на Аксой положили в больницу с диагнозом двусторонний паралич предплечья, что требовало наложения шин. Он оставался в больнице до 31 декабря, затем выписался оттуда.

21 декабря 1992 г. прокурор не нашел оснований для возбуждения уголовного дела против заявителя. Не было начато ни уголовное, ни гражданское дело по поводу утверждения заявителя о жестоком обращении с ним.

20 апреля 1994 г. Комиссия получила информацию от родственников заявителя, что г-н Аксой был убит 16 апреля. Они утверждали, что 14 апреля ему угрожали смертью по телефону, если он не отзовет свою жалобу, направленную в Комиссию. Правительство отрицало какую-либо причастность к этому и сообщило в Комиссию, что один из членов РПК (Рабочей партии Курдистана) был арестован и обвинен в убийстве.

Отец заявителя решил продолжить разбирательство дела.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

Жалоба была подана в Комиссию 20 мая 1994 г. и признана приемлемой 19 октября того же года.

Г-н Аксой утверждал, что во время ареста он подвергся обращению, подпадающему под действие статьи 3 Конвенции, что были также нарушены статья 5, п. 3 и статья 6, п. 1, вследствие чего он был лишен судебной защиты.

Комиссия в докладе от 23 октября 1995 г. пришла к выводу, что были нарушены статья 3 (пятнадцатью голосами против одного), статья 6, п. 1 (тринадцатью голосами против трех) Конвенции и что отсутствует самостоятельное требование по статье 13 (тринадцатью голосами против трех). Комиссия единогласно пришла также к заключению, что нет необходимости прибегать к статье 25 Конвенции.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. Оценка фактических обстоятельств, данная судом

38. Суд напоминает, что в соответствии со сложившейся практикой в рамках системы Конвенции установление и проверка фактических обстоятельств в первую очередь возлагается на Комиссию (п. 1 статья 28 и статья 31 Конвенции). И хотя Суд не связан выводами доклада Комиссии и свободен давать свою оценку фактических обстоятельств, представленных ему, он только в исключительных случаях пользуется этим своим правом (см. решение *по делу Акдивара и других против Турции* от 16 сентября 1996 г., Отчеты о судебных решениях. 1996 г., с. 19, п. 78).

39. Комиссия установила фактические обстоятельства после того, как ее представители провели два слушания в Турции в добавлении к слушаниям в Страсбурге (см., *mutatis mutandis*, вышеназванное решение по делу Акдивар и другие с. 20 п. 81).

40. Таким образом, именно на основании фактов, установленных Комиссией (см. п. 23 выше), Суд должен рассмотреть предварительное возражение Правительства и жалобы заявителя в соответствии с Конвенцией.

II. Предварительные возражения Правительства

A. Доводы выступавших в Суде

41. Правительство просило Суд отклонить жалобу заявителя о нарушении статьи 3 на основании того, что он не исчерпал всех внутренних средств правовой защиты, доступных ему, что противоречит статье 26 Конвенции. Статья 26 предусматривает:

“Комиссия может принимать дело к рассмотрению, только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, в соответствии с общепризнанными нормами международного права, и в течение шести месяцев, считая с даты вынесения национальными органами окончательного решения по делу”.

Заявитель (см. п. 3 выше), с которым Комиссия согласна, возражал, что он сделал все, что мог, чтобы исчерпать все внутренние правовые средства.

42. Правительство утверждало, что правило, касающееся исчерпания внутренних средств правовой защиты, четко определено в международном праве и в судебной практике органов Конвенции и требует, чтобы заявитель воспользовался всеми внутренними средствами правовой защиты, за исключением тех, которые определенно не давали ему никаких шансов на успех. Г-н Аксой фактически мог бы иметь доступ к трем различным видам внутренних средств правовой защиты: требование возбудить уголовное дело, гражданский иск и/или административная жалоба (см. п. 24—28 выше).

43. В отношении первого из вариантов Правительство утверждало, что он мог быть представлен прокурору, перед которым он предстал 10 декабря 1992 г. (см. п. 18 выше). Однако, по словам Правительства г-н Аксой не заявлял ни в тот момент, ни когда-либо впоследствии, что с ним плохо обращались во время содержания его под стражей в полиции.

Статьи 243 и 245 Уголовного кодекса, которые применяются на всей территории Турции, объявляют уголовно-наказуемым применение пыток и жестокое обращение с целью получения признаний (см. п. 24 выше). Закон-декрет 285 о районе чрезвычайного положения, передал полномочия проводить расследования о преступных действиях должностных лиц от прокуроров административным советам (см. п. 26 выше). Однако решения административных советов об отказе в возбуждении уголовного дела всегда направлялись для контроля Верховному административному суду. В связи с этим, Правительство предоставило ряд судебных решений, которые отменяли постановления, изданные административными советами в районе чрезвычайного положения, и предписывали начать уголовное преследование против служащих жандармерии и полиции безопасности в связи с утверждениями о жестоком обращении с задержанными, и другие судебные решения о наказаниях за аналогичные незаконные действия.

44. Тем не менее, Правительство оговорило, что уголовное преследование в данной ситуации не лучшее средство правовой защиты, поскольку в таких делах права обвиняемого защищены лучше, чем права потерпевшего. Оно поэтому обратило внимание Суда на существующие административные средства правовой защиты в соответствии со статьей 125 турецкой Конституции (см. п. 27 выше). Чтобы получить компенсацию на основании этой статьи достаточно доказать наличие причинной связи между действиями администрации и причиненным вредом; не требуется даже доказывать, что должностное лицо совершило серьезное незаконное действие. В доказательство Правительство предоставило примеры административных решений, где назначалась компенсация в связи со смертью, вызванной пытками во время содержания в полиции.

45. Кроме этого, Правительство заявило, что г-н Аксой мог бы предъявить гражданский иск о причиненном ущербе. И вновь оно ссылалось на ряд решений национальных судов, включая решение Кассационного суда по иску о возмещении вреда в связи с пытками, в котором указывалось, что в соответствии со статьей 53 Обязательственного Кодекса оправдание служащих полиции безопасности по уголовному делу за недостатком улик не является обязательным для гражданских судов.

46. Заявитель не отрицал, что средства правовой защиты, указанные Правительством, формально являются частью турецкой судебной системы, но утверждал, что в районе чрезвычайного положения они были иллюзорны, недостаточны и неэффективны, так как и пытки, и лишение эффектив-

ной правовой защиты в равной мере соответствовали административной практике.

В частности, он утверждал, что доклады ряда международных организаций, которые свидетельствовали, что пытки задержанных были систематическими и широко распространенными по всей Турции, ставили под вопрос искренность желаний государства положить конец такой практике. В качестве примеров он привел публичное заявление Европейского Комитета по предотвращению пыток о положении в Турции (15 декабря 1992 г.); на краткий отчет Комитета ООН против пыток о результатах расследования ситуации в Турции (9 ноября 1993 г.); и на отчет специального докладчика ООН о пытках за 1995 г. (E/CN 4/1995/34).

47. Заявитель утверждал, что политика отрицания практики пыток государственными властями создает чрезвычайные трудности для жертв при попытке добиться возмещения и привлечения к суду ответственных за это лиц. Например, человеку, заявляющему о пытках, невозможно получить медицинское свидетельство, подтверждающее телесные повреждения, так как судебная медицинская служба реорганизована, и врачи, которые выдавали такие свидетельства были либо запуганы, либо переведены в другие районы. Прокуроры в районах чрезвычайного положения по установленной практике не начинали расследование по заявлениям о злоупотреблениях в отношении прав человека и часто отказывали даже в приеме жалоб. Те расследования, которые проводились, были предвзятыми и неадекватными. Более того, адвокаты и все, кто выступал в защиту жертв нарушений прав человека, подвергались угрозам, запугиваниям и неправомерным уголовным преследованиям, и люди боялись искать внутренние средства правовой защиты, так как репрессалии против тех, кто пытался использовать их, были обычным явлением.

Заявитель утверждал, что в данных обстоятельствах от него нельзя было требовать исчерпания внутренних правовых средств защиты до того, как он подал жалобу в Страсбург.

48. Он утверждал, что во всяком случае сообщил прокурору 10 декабря 1992 г., что его пытали (см. п. 18 выше), и утверждал, что даже если бы он не сделал этого, прокурор мог ясно видеть, что он не владел руками должным образом.

Отказ прокурора начать уголовное расследование создал для заявителя слишком большие трудности, которые не позволяли ему воспользоваться другими внутренними средствами правовой защиты. Это не позволило ему предпринять какие-либо действия, чтобы гарантировать возбуждение уголовного дела, например, оспорив решение не возбуждать дело в административном суде (см. п. 26 выше), так как отсутствие расследования означало, что не было принято официальное решение не возбуждать уголовное дело. В добавлении к этому, такое бездействие поставило под сомнение его шансы одержать победу в гражданском или административном судопроизводстве, так как, чтобы добиться успеха в любом из этих исков, было бы необходимо доказать, что он подвергся пыткам, и на практике потребовалось бы решение уголовного судьи, подтверждающее этот факт.

49. В заключение заявитель напомнил Суду, что ни одно из средств правовой защиты не было доступно даже теоретически в отношении его жалобы на продолжительность содержания его под стражей без судебного контроля, так как это было абсолютно законно в соответствии с внутренним законодательством (см. п. 29 выше).

50. Комиссия придерживается мнения, что заявителю были причинены телесные повреждения во время его содержания под стражей в полиции (см. п. 23 выше). Из этого следует, что, хотя невозможно точно установить, что случилось во время встречи с прокурором 10 декабря 1992 г., без сомнения, имелись признаки, которые должны были подсказать последнему начать расследование или, по крайней мере, попытаться получить дополнительную информацию о состоянии здоровья заявителя и о том обращении, которому тот подвергся. Заявитель сделал все, что можно было ожидать от него в данных обстоятельствах, особенно принимая во внимание тот факт, что он, должно быть, чувствовал себя уязвимым в результате содержания под стражей и дурного обращения и имел проблемы со здоровьем, которые потребовали госпитализации после освобождения. Угрозы, которые, как он утверждал, он получал после подачи жалобы в Комиссию, и его смерть при обстоятельствах, которые не были до конца прояснены, были дополнительными факторами, которые подтверждали ту точку зрения, что поиски средств правовой защиты могли бы быть сопряжены с риском.

Принимая во внимание то обстоятельство, что заявитель сделал все, что можно было от него ожидать, чтобы исчерпать внутренние правовые средства защиты, Комиссия решила, что ей нет необходимости определять, существовала ли административная практика со стороны турецких властей проявлять терпимость к нарушениям прав человека.

В. Оценка Суда

51. Суд напоминает, что правило об исчерпании национальных средств правовой защиты, о которых говорит статья 26 Конвенции, обязывает тех, кто пытается возбудить иск против государства в международном судебном или арбитражном органе, сначала использовать такие средства защиты, предоставляемые национальной правовой системой. Соответственно, государства освобождаются от ответственности перед международным органом за свои действия до того, как они имели возможность исправить положение в рамках своей собственной правовой системы. Правило основывается на предположении, которое отражено в статье 13 Конвенции — с которой оно тесно переплетается, — что в национальной судебной системе имеются доступные эффективные средства правовой защиты в отношении заявленного нарушения, независимо от того, включены ли правовые нормы Конвенции в национальное законодательство. Поэтому важный аспект этого принципа состоит в том, что механизм защиты, утвержденный Конвенцией, является вспомогательным по отношению к национальным системам, защищающим права человека (см. решение по делу Акдивар и другие, на которое есть ссылка в п. 38, с. 1210 п. 6515).

52. В соответствии со статьей 26 заявитель должен иметь нормальный доступ к имеющимся и достаточным средствам правовой защиты, чтобы получить возмещение за нарушения, которые как он полагает имели место. Существование таких средств правовой защиты должно быть достаточно определенным не только в теории, но и на практике, в противном случае они не обладают требуемой доступностью и эффективностью.

Ничто не обязывает обращаться к средствам правовой защиты, которые не являются достаточными и эффективными. В добавление к этому в

соответствии с “общепризнанными нормами международного права”, на которые ссылается статья 26, могут возникнуть особые обстоятельства, которые освобождают заявителя от обязательств использовать внутренние средства правовой защиты, имеющиеся в его распоряжении. Это правило также неприменимо, если доказано существование административной практики, состоящей из повторяющихся действий, несовместимых с Конвенцией, в сочетании с официальной терпимостью государственных властей, делающей использование средств защиты тщетным и неэффективным (см. вышеупомянутое решение по делу Акдивар и других, с. 1210 п. 6 и 67).

53. Суд подчеркивает, что его подход к применению правила об исчерпании правовых средств должен учитывать должным образом тот факт, что оно применяется в контексте механизма защиты прав человека, который согласились установить Договаривающиеся Стороны. Соответственно, Суд признает, что статья 26 должна применяться с некоторой степенью гибкости и без излишнего формализма. Он также далее признает, что правило об исчерпании не является абсолютным, и не может быть применено автоматически; при контроле за его исполнением существенно важно принимать во внимание конкретные обстоятельства каждого дела. Это означает, среди прочего, что суд должен реально оценить не только то, как выглядят в теории средства правовой защиты в данной системе, но и общий правовой и политический контекст, в котором они действуют, а также личные обстоятельства заявителя (см. вышеупомянутое решение по делу Акдивар и других, с. 1211 п. 69).

54. Суд отмечает, что турецкое право предусматривает уголовные, гражданские и административные средства правовой защиты против жестокого обращения должностных лиц по отношению к задержанным, и с интересом изучил краткое изложение судебных решений, предоставленных Правительством, и имеющих отношение к подобным проблемам (см. п. 43—45 выше). Однако, как уже было ранее упомянуто (см. п. 53), Суд не занимается исключительно вопросом, были ли внутренние средства правовой защиты в целом эффективны и достаточны; он должен решить, сделал ли заявитель при данных обстоятельствах, все что можно было реально ожидать от него, чтобы исчерпать национальные средства правовой защиты.

55. В этих целях Суд повторяет, что он решил принять установленные Комиссией фактические обстоятельства дела (см. п. 39—40 выше). Комиссия, как это видно выше (в п. 50), придерживается мнения, что во время разговора с прокурором заявитель страдал от двустороннего паралича.

56. Суд считает, что даже если заявитель не высказал жалобы прокурору по поводу жестокого обращения во время содержания под стражей в полиции, телесные повреждения, которые он получил, должны были быть хорошо заметны во время встречи. Однако, прокурор предпочел не наводить справки о природе, величине и причинах этих повреждений, несмотря на тот факт, что по турецкому закону он обязан был это сделать (см. п. 26 выше).

Необходимо напомнить, что это упущение со стороны прокурора имело место после того, как г-н Аксой содержался под стражей в полиции по меньшей мере четырнадцать дней без доступа к юридической или медицинской помощи. В течение этого времени он получил серьезные повреждения, требующие лечения в больнице (см. п. 23). Одни только эти обстоятельства могли бы послужить причиной почувствовать себя уязвимым, беспомощным

и настороженным по отношению к представителям государства. Так как было очевидно, что прокурор знал о его телесных повреждениях, но не предпринял никаких действий, у заявителя сформировалось убеждение, что ему бесполезно надеяться привлечь внимание и добиться удовлетворения своих требований, прибегая к национальным средствам правовой защиты.

57. Суд поэтому пришел к выводу, что имелись особые обстоятельства, которые освобождали заявителя от его обязанности исчерпать внутренние средства правовой защиты. Придя к такому заключению, Суд не считает необходимым

III. По существу дела

А. О предполагаемом нарушении статьи 3 Конвенции

58. Заявитель утверждал, что его подвергли такому обращению, которое противоречит статье 3 Конвенции, которая гласит:

“Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию”.

Правительство считало, что утверждения о подобном обращении было необоснованным. Комиссия, однако, находит, что заявителя пытали.

59. Правительство высказало различные возражения против того, каким образом Комиссия оценила доказательства. Оно указывало на ряд факторов, которые по их мнению должны были вызвать серьезные сомнения относительно того, обращались ли с г-ном Аксой так дурно, как он это утверждал.

Например, оно задало вопрос, почему заявитель не высказал жалобы прокурору по поводу того, что его пытали (см. п. 18 выше), и не могло понять почему, если его действительно подвергли пыткам, он не сделал никакого инкриминирующего признания. Оно также находит подозрительным, что он прождал пять дней после освобождения перед тем, как обратиться в больницу (см. п. 19 выше), и указало на то, что нельзя предположить, что ничего неблагоприятного не произошло с ним именно в это время. Правительство подняло ряд вопросов относительно медицинских доказательств, включая тот факт, что заявитель забрал с собой свою историю болезни, когда выписался из больницы, и нет медицинских свидетельств об ожогах или других следах, оставленных от применения электро шока.

60. Заявитель жаловался на жестокое обращение в различных формах. Он утверждал, что во время допросов его держали с завязанными глазами, что вызывало потерю ориентации; держали подвязанным за руки, связанными за спиной, (“палестинское подвешивание”), что его подвергали электрошоку, который усиливался, когда ему на голову выливали воду; что его избивали руками и ногами, а также словесно оскорбляли. Он ссылаясь на медицинское свидетельство, выданное ему медицинским факультетом Университета Дикле, в котором говорилось, что он страдал от двустороннего повреждения плечевого сплетения на момент поступления в больницу (см. п. 19 выше). Такое повреждение характерно для “Палестинского подвешивания”.

Он утверждал, что обращение, послужившее причиной жалобы, было настолько жестоким, что его можно приравнять к пытке, и оно было применено, чтобы вынудить его признаться, что он знал человека, который опознал его.

В добавлении к этому, он заявил, что условия, в которых он содержался (см. п. 13 выше), и постоянный страх быть подвергнутым пытке, равносильны бесчеловечному обращению.

61. Суд, решив принять установленные Комиссией фактические обстоятельства дела (см. п. 39—40), считает, что там, где человек может быть взят под стражу в полицию в полном здравии, а в момент освобождения оказаться с телесными повреждениями, государство обязано предоставить правдоподобные объяснения о причинах повреждений, неисполнение этого совершенно четко влечет за собой вопрос, подлежащий обсуждению в Суде по статье 3 Конвенции (см. решение по делу *Томази против Франции* от 27 августа 1992 г. Reperts, 1998, т. 96, т. 241-А, с. 40—41, п. 108—111 и решение по делу *Рибич против Австрии* от 4 декабря 1995 г. Reperts, 1998, т. 96, т. 336 с. 26 п. 34).

62. Статья 3, как Суд уже много раз отмечал, охраняет одну из основных ценностей демократического общества. Даже в наиболее сложных обстоятельствах, таких как борьба против организованного терроризма или преступности, Конвенция совершенно четко запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание. В отличие от большинства материально-правовых положений Конвенции и Протоколов № 1 и 4, статья 3 не предусматривает исключений и не разрешается ее частичная отмена согласно статье 15 она не перестает действовать даже в случае чрезвычайного положения, угрожающего существованию нации (см. решение по делу Ирландия против Соединенного Королевства от 18 января 1978 г. Reperts, 1998, т. 96, т. 161, с. 34 п. 88 и решение по делу *Чахал против Соединенного Королевства* от 15 ноября 1996 г. Отчеты о судебных решениях — 1996-V с. 1853 п. 79).

63. Для того, чтобы определить, можно ли квалифицировать какую-либо форму плохого обращения, как пытку, Суд должен принять во внимание разграничение, проводимое статьей 3, между этим понятием и понятием бесчеловечного и унижающего достоинство обращения. Как уже отмечалось ранее, это разграничение было включено в Конвенцию, чтобы позволить поставить клеймо “пытка” только на преднамеренное бесчеловечное обращение, вызывающее очень сильные и жестокие страдания (см. решение по делу Ирландия против Соединенного Королевства от 18 января 1978 г. Reperts, 1998, т. 96, т. 25, с. 66, п. 167).

64. Суд напоминает, что Комиссия признала *inter alia*, что заявитель был подвергнут “Палестинскому подвешиванию”, другими словами, был раздет донага и подвешен за руки, связанные за спиной (см. п. 23 выше).

По мнению Суда такое обращение может быть осуществлено только преднамеренно; требуется определенная подготовка и усилия, чтобы осуществить это. Такое обращение вероятно было предпринято с целью получения признания или информации от заявителя. В добавление к сильной боли, которое такое обращение, должно быть, вызвало в то время, медицинское свидетельство показывает, что оно привело также к параличу обеих рук, который продолжался некоторое время (см. п. 23 выше). Суд считает, что такое обращение носило такой серьезный и жестокий характер, что его можно квалифицировать только как пытку.

Ввиду серьезности этого заключения Суду нет необходимости рассматривать жалобы заявителя о других формах плохого обращения.

Из этого следует, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

В. О предполагаемом нарушении статьи 5, п. 3 Конвенции

65. Заявитель, с которым Комиссия согласна, утверждал, что его задержание нарушает статью 5, п. 3 Конвенции. Относящиеся к данному делу положения статьи 5 гласят:

“1. Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...
с. законный арест или задержание лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения...”

3. Каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию в соответствии с положениями подпункта (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции...”

66. Суд напоминает свое решение по делу *Броуган и другие против Соединенного Королевства* (от 29 ноября 1988 г. Reperts, 1998, т. 96, т. 145-В, с. 33, п. 62), согласно которому срок содержания под стражей без судебного контроля в течение четырех дней и шести часов выходит за строгие рамки допускаемого в соответствии со статьей 5, п. 3. Из этого ясно следует, что срок в четырнадцать или более дней, в течение которых г-н Аксой содержался под стражей, не имея возможности предстать перед судьей или другим судебным должностным лицом, не соответствует требованию “незамедлительно”.

67. Однако, Правительство заявляло, что тем не менее, не было нарушения статьи 5, п. 3 вследствие частичных отступлений Турции по обязательствам, вытекающим из статьи 15 Конвенции, которая гласит:

1. В период войны или иного чрезвычайного положения, угрожающего существованию нации, любая из Высоких Договаривающихся Сторон может принимать меры в отступление от своих обязательств по настоящей Конвенции только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам по международному праву.

2. Это положение не может служить основанием для отступления от положений статьи 2, за исключением случаев гибели людей в результате правомерных военных действий, или от положений статьи 3, пункта (1) статьи 4 и статьи 7.

3. Любая из Высоких Договаривающихся Сторон, использующая это право отступления, информирует исчерпывающим образом Генерального секретаря Совета Европы о введенных ею мерах и о причинах их принятия. Она также ставит в известность Генерального секретаря Совета Европы о прекращении действия таких мер и возобновлении осуществления положений Конвенции в полном объеме”.

Правительство напомнило Суду, что Турция 5 мая 1992 г. сделала оговорку также в отношении своих обязательств по статье 5 Конвенции (см. п. 33 выше).

1. Подход Суда

68. Суд напоминает, что на каждую Договаривающуюся Сторону ложится ответственность за “жизнь (ее) нации” и она обязана определить,

была ли угроза этой жизни в связи с введением “чрезвычайного положения”, и если да, то как далеко нужно зайти, пытаясь преодолеть ее. Находясь в непосредственном и постоянном контакте с реалиями текущего момента, национальные власти, в принципе, находятся в лучшем положении, чем международный судья, чтобы решать вопрос, существует ли такая угроза и как далеко должны идти ограничения, необходимые, чтобы предотвратить ее. Соответственно, в этом вопросе широкая возможность для усмотрения должна быть предоставлена национальным властям.

Тем не менее, государства при этом не имеют неограниченную свободу действий. Суд призван решить, *inter alia* адекватна ли свобода государства за рамки этой свободы усмотрения “в той степени, в какой это обусловлено “чрезвычайностью обстоятельств”, вызванных кризисом. Внутренняя возможность для усмотрения, таким образом, сопровождается европейским контролем. При осуществлении такого контроля Суд должен придавать определенный вес таким относящимся к проблеме факторам, как природа прав, затронутых отступлением от обязательств, продолжительность и обстоятельства, приведшие к установлению чрезвычайного положения (см. решение по делу *Бранниган и Макбрайд против Соединенного Королевства* от 26 мая 1993 г., Reperts, 1998, т. 96, т. 258-B, с. 49—50, п. 43).

2. О наличии общественной опасности, угрожающей существованию нации

69. Правительство, с которым Комиссия по этому вопросу согласилась, утверждало, что в юго-западной Турции существовала опасность, “угрожающая существованию нации”. Заявитель не оспаривал это утверждение, хотя полагал, что по сути этот вопрос должны решать органы Конвенции.

70. Суд считает в свете представленных ему материалов, что osoby размах террористической активности и влияние РПК на юго-востоке Турции несомненно создали в этом регионе “чрезвычайное положение угрожающее существованию нации” (см. *mutatis mutandis* решение по делу *Лолесс против Ирландии* от 1 июля 1961 г. Reperts, 1998, т. 96, т. 3, с. 56, п. 28, и вышеупомянутое дело *Ирландии против Соединенного Королевства* с. 78, п. 205 и вышеупомянутое дело *Бранниган и Масбрайд*, с. 50, п. 47).

3. Были ли меры строго обусловлены чрезвычайностью обстоятельств

(а) длительность бесконтрольного задержания

71. Правительство утверждало, что заявитель был арестован 26 ноября 1992 г. вместе с тринадцатью другими лицами по подозрению в содействии и соучастии в террористических действиях РПК в Кизилтепе, и распространении брошюр этой партии (см. п. 12 выше). Его содержали под стражей 14 дней в соответствии с турецким законодательством, которое позволяет содержать под стражей вплоть до 30 дней лицо, задержанное в связи с коллективным правонарушением в районе чрезвычайного положения (см. п. 29 выше).

72. Правительство объясняло, что заявитель был арестован и содержался под стражей в том районе Турции, который подпадает под действие оговорки, сделанной Турцией в отношении территориального применения

Конвенции (см. п. 31—33 выше). Эти отступления были необходимы и оправданны ввиду размаха и серьезности террористической активности РПК в Турции, особенно на юго-востоке страны. Расследование преступных террористических актов представляло для властей особые проблемы, что уже ранее было признано Судом, так как члены террористических организаций умели прекрасно выдерживать допросы, имели секретную сеть поддержки и доступ к значительным ресурсам. Получение и проверка доказательств в обширном районе, где действовала террористическая организация, которая получала стратегическую и техническую поддержку от соседних государств занимала много времени и усилий. Эти трудности делали невозможным судебный контроль во время содержания подозреваемого под стражей в полиции.

73. Заявитель утверждал, что его задержали 24 ноября 1992 г. и освободили 10 декабря 1992 г. Он заявлял, что датирование ареста более поздним числом было обычной практикой в районе чрезвычайного положения.

74. Не представив подробных возражений против законности отступления Турции от обязательств в целом, заявитель поставил вопрос, действительно ли положение на юго-востоке Турции требовало содержание под стражей подозреваемого в течение 14 дней или более без судебного контроля. Он утверждал, что судьи на юго-востоке Турции ни чем бы не рисковали, если бы имели возможность и обязанность контролировать законность содержания под стражей.

75. Комиссия не могла точно установить, был ли заявитель задержан 24 ноября 1992 г., как он утверждал, или 26 ноября 1992 г., как утверждало Правительство, и поэтому исходила из того, что он находился под стражей по крайней мере 14 дней, не имея возможности предстать перед судьей или другим должностным лицом, имеющим законные полномочия осуществлять судебные функции.

76. Суд подчеркивает важность статьи 5 в системе Конвенции: она закрепляет основное право человека, а именно, защиту каждого от произвольного вмешательства государства в его или ее право на свободу. Судебный контроль за вмешательством исполнительной власти в право каждого на свободу является существенной чертой гарантий, воплощенных в статье 5, п. 3, которые предназначены свести к минимуму риск произвола и гарантировать главенство права (см. вышеупомянутое решение по делу Броуган и других с. 32, п. 58). Более того, незамедлительное судебное вмешательство может привести к выявлению и предотвращению плохого обращения, которое, как указано выше (п. 62), абсолютно запрещено Конвенцией и не предполагает никаких отступлений.

77. В судебном решении по делу Бранниган и Макбрайд (в вышеупомянутом п. 68) Суд постановил, что Правительство Соединенного Королевства не превысило границы свободы своего усмотрения отступив от обязательств по статье 5 Конвенции, разрешая задерживать до 7 дней без судебного контроля лиц, подозреваемых в террористических акциях.

В данном случае заявитель содержался под стражей по крайней мере 14 дней, не имея возможности предстать перед судьей или иным должностным лицом магистратуры. Правительство пыталось оправдать эту меру ссылкой на особые требования полицейского расследования в географически обширной области, на которой действует террористическая организация, получающая помощь извне (см. п. 72 выше).

78. Хотя Суд понимает, — он уже ранее неоднократно высказывал свою точку зрения по этому вопросу (см., например, вышеупомянутое решение по делу Броуган и других), — что расследование террористических правонарушений несомненно представляет для властей особые трудности; он не может согласиться с необходимостью задержания подозреваемого на 14 дней без судебного вмешательства. Этот чрезвычайно долгий срок делал заявителя уязвимым не только в отношении произвольного вмешательства в его право на свободу, но также и в отношении пыток (см. п. 64 выше). Более того, Правительство не привело в суде детальных оснований, почему борьба против терроризма в юго-восточной Турции делала судебное вмешательство неосуществимым.

(b) О гарантиях

79. Правительство подчеркнуло, что при отступлениях от обязательств по Конвенции также как и национальная правовая система предусматривают достаточные гарантии для защиты прав человека. Соответственно, отступление от своих обязательств само по себе было строго ограничено только теми мерами, которые были необходимы для борьбы с терроризмом; максимальный срок предварительного задержания был установлен законом и предусматривалась необходимость получения согласия прокурора и продление срока временного задержания подозреваемого если полиция считала это необходимым. Пытки запрещены статьей 243 Уголовного кодекса (см. п. 24 выше), и статья 135 (а) предусматривает, что любое заявление, сделанное под пыткой или в результате любой другой формы недозволенного обращения, не может рассматриваться в качестве доказательства.

80. Заявитель указал, что длительный срок содержания под стражей без судебного решения при отсутствии гарантий для защиты заключенных облегчило применение пыток. Его пытали с особой силой на третий и четвертый день содержания под стражей и оставляли после этого под арестом, чтобы позволить ранам зажить; в течение всего этого времени его лишали доступа к адвокату или врачу. Более того, его держали с завязанными глазами во время допросов, что означало, что он не мог опознать тех, кто пытал его. Из докладов Международной Амнистии (“Турция: политика отрицания”, февраль, 1995), Европейской Комиссии по предотвращению пыток и Комитета ООН против пыток видно, что гарантии, содержащиеся в турецком Уголовном кодексе, которые в любом случае недостаточны, постоянно игнорировались в районах чрезвычайного положения.

81. Комиссия считает, что турецкая система предоставляет недостаточные гарантии задержанным, она не обеспечивает, в частности, безотлагательное обращение к такому средству правовой защиты как *habeas corpus*; не обеспечено правовой гарантией право на обращение к адвокату, врачу, другу или родственнику. В таких обстоятельствах, несмотря на серьезную террористическую угрозу на юго-востоке Турции, действия, которые позволили содержать под стражей по крайней мере 14 дней, без предоставления возможности предстать перед судьей или другим должностным лицом, осуществляющим судебные функции, превысили свободу усмотрения Правительства, и не могут рассматриваться как меры, строго обусловленные чрезвычайностью обстоятельств.

82. В вышеупомянутом решении по делу Бранниган и МасБрайд (см. п. 68 выше), Суд признал, что в Северной Ирландии имелись действитель-

но эффективные гарантии, которые предоставляли существенную защиту от произвола и задержания под стражей *incommunicado* (в полной изоляции от внешнего мира). Например, такое средство правовой защиты, как *habeas corpus*, обеспечивало возможность проверки законности первоначального ареста и содержания под стражей, имелось обеспечиваемое в законном порядке абсолютное право обратиться к адвокату не позднее 48 часов после ареста, задержанные также имели право сообщить родственнику или другу о своем задержании, а также имели возможность обратиться к врачу (ор. cit., с. 55—56 п. 62—63).

83. Суд считает, что в отличие от этого в данном деле заявителю, который содержался под стражей в течение длительного времени, не были предоставлены достаточные гарантии. В частности, лишение его возможности обратиться к врачу, адвокату, родственнику или другу, и отсутствие реальной возможности предстать перед судьей, чтобы проверить законность содержания под стражей, означало, что он был оставлен исключительно на милость тех, кто его задержал.

84. Суд принял во внимание безусловно серьезную проблему терроризма на юго-востоке Турции и трудности, стоящие перед государством по осуществлению эффективных мер против него. Однако, из этого не следует, что чрезвычайность положения вынуждала задерживать заявителя по подозрению в участии в террористических правонарушениях в течение четырнадцати дней или более и тайно содержать под стражей *incommunicado* без возможности обращения к судье или другому должностному лицу магистратуры.

4. Отвечает ли отступление Турции от обязательств формальным требованиям статьи 15, п. 3

85. Никто из выступавших в Суде не оспаривал тот факт, что уведомлению сделанным Турцией, об отступлении, от обязательств соответствуют формальные требования статьи 15, п. 3, а именно информировать Генерального секретаря Совета Европы о мерах, предпринятых в отступлении от обязательств по Конвенции, и о оправдывающих их причинах.

86. Суд правомочен рассматривать этот вопрос по своему усмотрению (см. вышеупомянутое решение по делу Лолесс, с. 55, п. 23 и вышеупомянутое решение по делу Ирландия против Соединенного Королевства с. 84, п. 223), и в частности, установить, содержало ли турецкое уведомление об отступлении от обязательств достаточно информации о действиях, которые позволили содержать под стражей заявителя по крайней мере четырнадцать дней без судебного контроля, чтобы оно могло соответствовать требованиям статьи 15, п. 3. Однако, ввиду того, что установленные обстоятельства дела указывают, что оспариваемая мера не была вызвана исключительно чрезвычайностью ситуации (см. п. 84 выше), Суд не считает необходимым принимать решение по этому вопросу.

5. Вывод

87. Суд считает, что имело место нарушение статьи 5, п. 3 Конвенции.

С. О предполагаемом отсутствии правовых средств защиты

88. Заявитель высказывал жалобу, что его лишили возможности обратиться в суд, в нарушении статьи 6, п. 1 Конвенции, которая предусматривает:

“Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав... на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона”.

Заявитель также утверждал, что ему было недоступно какое-либо эффективное внутреннее средство правовой защиты, что противоречит статье 13 Конвенции, которая гласит:

“Каждый человек, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективные средства правовой защиты перед государственными органами даже в том случае, если такое нарушение совершено лицами, действовавшими в официальном качестве”.

89. Правительство возражало, что, поскольку заявитель никогда и не пытался возбудить дело в суде, он не имеет право жаловаться, что его лишили такой возможности. Далее оно настаивало на том, как уже делало, выдвигая предварительные возражения (см. п. 41—45 выше), что ряд правовых средств защиты был доступен заявителю.

90. По словам заявителя, решение прокурора не возбуждать дело сделало невозможным осуществление его гражданских прав на возмещение вреда (см. п. 48 выше). Он заявлял, что по турецкому закону гражданское судопроизводство не могло быть осуществимо, пока в результате уголовного преследования не были бы установлены факты и идентифицированы нарушители. Без этого гражданский процесс не имел шансов на успех. Кроме того, он указывал, что возможность получить возмещение вреда за пытки представляет собой только часть мер, необходимых для предоставления удовлетворения; это было бы неприемлемо, если бы государство заявило, что оно выполнило свои обязательства, просто предоставив компенсацию, так как это бы фактически позволяло государствам платить за право пытать. Он утверждал, что средства правовой защиты, необходимые для удовлетворения его иска в соответствии с Конвенцией, либо не существуют даже в теории, либо не работают эффективно на практике (см. п. 46—47 выше).

91. Комиссия признала, что была нарушена статья 6, п. 1 по тем же основаниям, по которым она признала, что права заявителя были нарушены в соответствии со статьями 26 Конвенции (см. п. 50 выше). Принимая во внимание данные обстоятельства, Комиссия не считает необходимым рассматривать жалобу по статье 13.

1. Пункт 1 статьи 6 Конвенции

92. Суд напоминает, что п. 1 статьи 6 говорит о “праве на суд”, при этом право возбуждать процесс в суде путем гражданского иска представляет собой только один из аспектов этого права (см., например, решение по делу *Святые Монастыри против Греции* от 9 декабря 1994 г. Reperts, 1998, т. 96, т. 301-А., с. 36—37, п. 80). Нет сомнения, что п. 1 статьи 6 применим к гражданскому иску о компенсации за плохое обращение со стороны государственных должностных лиц (см., например, решение по делу Томази, на которое упоминалось в п. 61 выше, с. 42, п. 121—122).

93. Суд отмечает, что заявитель не оспаривает тот факт, что в теории он мог бы возбудить гражданское дело о возмещении вреда. Он утверждал, что бездействие прокурора в вопросе о возбуждении уголовного преследования на практике означало, что у него не было шансов на успех в гражданском суде (см. п. 90 выше). Однако, Суд напоминает, что из-за особых

обстоятельств, которые существовали в его деле (см. п. 57 выше), г-н Аксой даже не пытался обратиться в гражданский суд. При данных обстоятельствах Суд не может определить, мог ли этот суд рассматривать иск г-на Аксой, если бы он был предъявлен.

В любом случае, Суд отмечает, что суть жалобы заявителя — бездействие прокурора в вопросе о возбуждении уголовного преследования (см. п. 90 выше). Далее Суд принимает во внимание довод заявителя, что возможность получения компенсации за пытки предоставляла бы собой только часть мер, необходимых для его полного удовлетворения (см. также п. 90 выше).

94. По мнению Суда, исходя из данных обстоятельств, будет более подходящим рассматривать эту жалобу в рамках более общего обязательства, которое статья 13 возлагает на государство, а именно предоставлять эффективные средства правовой защиты при нарушении прав и свобод, предусмотренных Конвенцией.

2. Статья 13 Конвенции

95. Суд отмечает, что статья 13 гарантирует доступность на национальном уровне средств правовой защиты, позволяющие обеспечить соблюдения по сути прав и свобод, записанных в Конвенции, в какой бы форме они ни были закреплены в национальной правовой системе. Суть этой статьи состоит, таким образом, в том, чтобы требовать предоставления соответствующих средств правовой защиты, позволяющих компетентным национальным инстанциям как рассматривать по существу соответствующие жалобы о нарушении Конвенции, так и предоставлять соответствующее возмещение, хотя Договаривающиеся Стороны имеют определенную свободу действий в отношении способов выполнения своих обязательств в соответствии с данной правовой нормой (см. вышеупомянутое решение по делу Чахал, п. 62 выше, с. 1867—1868, п. 145). Объем обязательства по статье 13 варьируется в зависимости от природы жалобы заявителя, основанной на Конвенции (см. вышеупомянутое решение по делу Чахал, с. 1868—1869, п. 150—151). Тем не менее, правовые средства, требуемые статьей 13 должны быть юридически и практически “эффективными” в том смысле, что возможность использовать их не должна быть неоправданно затруднена действиями или же бездействием органов власти государства-ответчика.

96. Суд, во-первых, хочет подчеркнуть, что уже установленный факт (см. п. 57 выше), подтверждающий наличие особых обстоятельств, освобождающих заявителя от его обязанности использовать внутренние средства правовой защиты, не означает, что правовые средства на юго-востоке Турции неэффективны (см. *mutatis mutandis* решение по делу Акдивар и других, на которое упоминалось выше в п. 38, с. 1213—1214, п. 77).

97. Второе, Суд так же, как и Комиссия, учитывает тот факт, что жертве очень трудно доказать утверждения о пытках во время содержания под стражей в полиции, если он был изолирован от окружающего мира, не имея доступа к врачам, адвокатам, семье или друзьям, которые могли бы оказать поддержку и собрать необходимые доказательства. Более того, после подобного обращения у любого человека очень часто могут быть ослаблены возможности и желание возбудить жалобу.

98. Природа права, гарантированного статьей 3 Конвенции, сказывается и на статье 13. Принимая во внимание особую значимость запрета пыток

(см. п. 62 выше) и особенно уязвимое положение жертв пыток, статья 13, независимо от иных средств правовой защиты, имеющихся в национальной системе права, накладывает на государство обязательство проводить особо тщательное и эффективное расследование случаев применения пыток.

В свете статьи 13 это означает, что если человек утверждает, имея на то основания, что его пытали должностные лица, понятие “эффективные средства правовой защиты” дополнительно к возмещению вреда влечет за собой там, где это необходимо, тщательное и эффективное расследование, которое обеспечивает действенный доступ потерпевшего к нему и которое способно привести к выявлению и наказанию ответственных лиц. Нужно признать, что в Конвенции не существует такой прямой нормы, которую содержит статья 12 Конвенции ООН 1984 г. против пыток и другого жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания; эта норма предписывает начать “незамедлительное и беспристрастное” расследование там, где имеются обоснованные причины полагать, что была применена пытка. Однако, по мнению Суда, такое требование подразумевается в понятии “эффективные средства правовой защиты” в статье 13 Европейской Конвенции (см. *mutatis mutandis* решение по делу Серинг, п. 62 выше, с. 34—35 п. 88).

99. По турецкому закону прокурор был обязан провести расследование. Независимо от того, высказал ли г-н Аксой достаточно ясно ему свою жалобу, он проигнорировал совершенно очевидные, имевшиеся доказательства того, что последнего пытали (см. п. 56 выше). Однако расследование не последовало. Никаких других доказательств того, что были предприняты какие-либо иные меры, не было представлено Суду, несмотря на осведомленность прокурора о телесных повреждениях заявителя.

Более того, по мнению Суда, в обстоятельствах по делу г-на Аксой, такое отношение со стороны государственного должностного лица, чьей обязанностью является расследование уголовных правонарушений, равносильно подрыву эффективности любых других средств правовой защиты, которые могли бы существовать.

100. Соответственно, ввиду, в частности, отсутствия какого-либо расследования, Суд признает, что заявителя лишили эффективного средства правовой защиты в отношении его утверждения о пытках.

Из сказанного следует вывод, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции.

D. О предполагаемом нарушении статьи 25, п. 1 Конвенции

101. Заявитель утверждал, что имело место вмешательство в его право на судебное обжалование в нарушение статьи 25, п. 1 Конвенции, которая гласит:

“Комиссия может принимать жалобы, направленные в адрес Генерального секретаря Совета Европы, от любого лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции, при условии, что Высокая Договаривающаяся Сторона, на которую подана жалоба, заявила, что она признает компетенцию Комиссии принимать такие жалобы. Те из Высоких

Договаривающихся Сторон, которые сделали такое заявление, обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права”.

102. Необходимо напомнить, что г-н Аксой был убит 16 апреля 1994 г.; по словам его родственников это был прямой результат его намерений не отказываться от рассмотрения его дела в Комиссии. Они заявляли, что ему угрожали смертью, чтобы заставить отозвать свою жалобу, направленную в Комиссию, последняя угроза была сделана по телефону 14 апреля 1994 г. (см. п. 22 выше).

103. Правительство, однако, отрицало, что имело место попытка покушения на право заявителя на подачу жалобы в Комиссию. Оно утверждало, что г-н Аксой был убит при сведении счетов между соперничающими группировками РПК, и подозреваемому было предъявлено обвинение в убийстве г-на Аксой (см. п. 22 выше).

104. Комиссия была глубоко обеспокоена смертью г-на Аксой и утверждением, что она была связана с его жалобой, поданной в Страсбург. Однако, у нее нет никаких доказательств, на которых она могла бы основывать свой вывод относительно справедливости данного утверждения, или о том, кто ответственен за это убийство.

105. Суд еще раз подчеркивает, что для эффективности механизма подачи индивидуальных жалоб по статье 25 Конвенции, чрезвычайно важно, чтобы заявители или потенциальные заявители могли бы свободно общаться с Комиссией без какого-либо давления со стороны государственных властей с целью заставить их отозвать или изменить свои жалобы (см. решение по делу Акдивар и других, которое упоминалось выше в п. 38 выше, с. 1219 п. 105).

106. При этом в данном деле Комиссии не удалось найти никаких доказательств, указывающих на то, что смерть г-на Аксой была связана с его жалобой или что государственные власти ответственны за вмешательство путем угроз или запугивания в его права в соответствии с п. 1 статьи 25, и никаких новых доказательств Суду предъявлено не было.

Поэтому Суд не находит нарушения статьи 25, п. 1 Конвенции.

Е. О предполагаемой административной практике нарушения Конвенции

107. Заявитель дополнительно просил Суд признать, что статья 3, статья 5, п. 3, статья 6, п. 1 и статья 25, п. 1 регулярно нарушаются в юго-восточной Турции при терпимом отношении к этому со стороны высоких должностных лиц. Из чего следует, что Суд должен признать наличие особо тяжких нарушений Конвенции.

108. Ссылаясь на доклады вышеназванных организаций (см. п. 46 выше), он утверждал, что пытки, применяемые в полиции, были широко распространены в Турции, и что это продолжалось годами. Государственные власти осведомлены об этой проблеме, но предпочитали не соблюдать рекомендуемых гарантий.

Более того, жертвы пыток и других нарушений прав человека были, как правило, лишены возможности использовать средства судебной защиты в нарушение статьи 6, п. 1 и статьи 13 Конвенции, подвергались угрозам,

преследованиям и насилию, если они пытались обратиться с жалобами в органы Страсбурга, что нарушает статью 25, п. 1.

И последнее, так как национальное законодательство разрешает задерживать подозреваемых в течение длительного периода времени в нарушение статьи 5, п. 3, это является доказательством административной практики нарушения данной правовой нормы.

109. Суд придерживается мнения, что доказательства, установленные Комиссией недостаточны для того, чтобы прийти к заключению относительно существования административной практики нарушения вышеуказанных статей Конвенции.

Г. Применение статьи 50 Конвенции

110. В соответствии со статьей 50 Конвенции:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

111. Заявитель предъявил требования о возмещении материального ущерба, вызванного содержанием под стражей и пыткой, включая расходы на сумму 16 635 000 турецких лир и утрату заработка в сумме 40 фунтов стерлингов.

Кроме того, он требовал компенсации морального ущерба в сумме 25 000 фунтов стерлингов, которая, как он утверждал, должна возрасти еще на 25 000 фунтов, если Суд признает особо тяжкие нарушения Конвенции при наличии административной практики.

Он также требовал возмещения его судебных расходов и издержек, которые достигали 20 710 фунтов стерлингов.

112. Правительство не высказало никаких замечаний ни в памятной записке, ни во время слушаний в Суде относительно данных требований.

1. Ущерб

113. Ввиду чрезвычайно серьезных нарушений Конвенции, которые испытал на себе г-н Зеки Аксой, и тревоги и страданий, которые эти нарушения причинили его отцу, продолжавшему заниматься жалобой сына после смерти последнего (см. п. 3 выше), Суд постановил присудить требуемую компенсацию как материального, так и морального ущерба в полном объеме. В сумме эта компенсация составит 4 283 450 000 (четыре миллиарда двести восемьдесят три миллиона четыреста пятьдесят тысяч) турецких лир (по обменному курсу на дату принятия данного судебного решения).

2. Расходы и издержки

114. Суд считает, что требования заявителя о расходах и издержках обоснованы и присуждает компенсацию в полном объеме за вычетом сумм, полученных в качестве юридической помощи от Совета Европы, которые не были приняты им в расчет в его требованиях.

3. Проценты в случае неуплаты

115. Что касается суммы, присужденной в турецких лирах, проценты по неуплате должны составить 30% в год, что по информации, имеющейся в Суде, является законной процентной ставкой в Турции на дату принятия данного судебного решения.

Так как оплата расходов и издержек должна быть сделана в фунтах стерлингов, Суд считает, что проценты при неуплате этой суммы составляли 8% в год, что в соответствии с имеющейся информацией является законной ставкой, применяемой в Англии и Уэльсе на дату принятия данного решения.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Отклонил* восьмью голосами против одного предварительные возражения относительно исчерпания внутренних средств правовой защиты;

2. *Постановил* восьмью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции;

3. *Постановил* восьмью голосами против одного, что имело место нарушение п. 3 статьи 5 Конвенции;

4. *Постановил* восьмью голосами против одного, что нет необходимости рассматривать жалобу заявителя по п. 1 статьи 6 Конвенции;

5. *Постановил* восьмью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции;

6. *Постановил* единогласно, что не было установлено нарушения п. 1 статьи 25 Конвенции;

7. *Постановил* восьмью голосами против одного

(а) что Государство-ответчик должно заплатить заявителю не позднее, чем через три месяца, в качестве компенсации материального и морального ущерба 4 283 450 000 (четыре миллиарда двести восемьдесят три миллиона четыреста пятьдесят тысяч) турецких лир;

(б) что Государство-ответчик должно заплатить заявителю, не позднее, чем через три месяца, в качестве компенсации расходов и издержек 20 710 (двадцать тысяч семьсот десять) фунтов стерлингов за вычетом 12 515 (двенадцать тысяч пятьсот пятнадцать) французских франков, конвертированных в фунты стерлингов по обменному курсу на дату принятия данного решения;

(в) что простые проценты по следующим годовым процентным ставкам должны быть заплачены по истечении вышеуказанных трех месяцев вплоть до полного выполнения обязательств:

(1) 30% в отношении сумм, присужденных в турецких лирах;

(2) 8% в отношении сумм, присужденных в фунтах стерлингов;

Совершено на английском и французском языках и оглашено на публичном заседании во Дворце по правам человека в Страсбурге 18 декабря 1996 г.

Герберт Петцольд
Грефье

Ролфф Риссдал
Председатель

В соответствии с п. 1 статьей 51 Конвенции и п. 2 статьей 53 Регламента Суда А к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕ МЕЙЕРА

Хотя я согласен с большей частью судебного решения, я не согласен с точкой зрения большинства в отношении п. 1 статьи 6 и статьи 13.

В данном деле Суд должен сначала вынести решение по предварительному возражению, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. Из доводов по этому вопросу, содержащихся в п. 51—57 данного решения, становится ясно, что в случае с заявителем эти средства правовой защиты были чисто теоретическими. Это предполагает нарушение статьи 13, что затем совершенно определенно высказано в различных терминах в п. 95—100 данного решения. Таким образом в данном деле ясно видна связь между статьями 13 и 26 (см. п. 51 выше).

Однако, доводы также подразумевают *a fortiori*, что право заявителя на обращение в суд не было эффективно гарантировано (см. п. 54, 56 выше).

Из этого следует, что из решения, которое мы приняли по предварительному возражению, мы должны были признать как логическое продолжение, что имело место нарушение статьи 6, п. 1 и статьи 13.

Было бы резонно отметить, что из рассуждений, сформулированных в п. 51—57 данного решения ясно, что в данных обстоятельствах заявитель не получил эффективных внутренних средств правовой защиты и не имел возможности осуществить свое право на обращение в суд.

ОТДЕЛЬНОЕ СУДЬИ ГЁЛЬКЮКЛЮ

1. Что касается субсидиарного характера системы защиты, учрежденной Европейской Конвенцией по правам человека и ее прямого следствия — необходимости исчерпания внутренних средств правовой защиты, я ссылаюсь на мое особое мнение по делу Акдивар и другие против Турции (см. решение от 16 сентября 1996 г.).

2. Я бы отметил, что статья 17 турецкой Конституции является буквальным переводом статьи 13 Европейской Конвенции по правам человека и что пытки и плохое обращение влекут за собой суровое наказание в соответствии с турецким Уголовным Кодексом (ст. 243 и 245) (уголовно-правовое средство судебной защиты).

3. Как гражданские правонарушения (недозволенные действия), пытки и плохое обращение открывают возможность для судебного иска о компенсации материального и морального ущерба (гражданский иск или административное производство в зависимости от статуса нарушителя).

4. Уголовное преследование возбуждается органами прокуратуры по их собственному усмотрению или в результате подачи жалобы и должно быть начато в обязательном порядке, если имеется достаточно указаний на то, что преступление имело место.

5. По турецкому законодательству эти три средства правовой защиты доступны в равной степени по всей стране любому человеку, который утверждает, что он является жертвой пыток или плохого обращения.

6. Что касается вопроса эффективности и действенности вышеназванных средств правовой защиты, то у меня нет и тени сомнения. В связи с этим я снова ссылаюсь на мое особое мнение по делу *Акдивар и других против Турции*. Государство-ответчик и в том, и в данном деле предоставило в первую очередь в Комиссию и затем в Европейский Суд — как в своей памятной записке, так и на публичных слушаниях — десятки решений судов первой инстанции, либо верховных судов, таких как Кассационный суд или Верховный административный суд.

7. Большинство из этих судебных решений касаются дел в юго-восточной Турции, где совершаются акты терроризма и где произошел данный случай. Следующие примеры дают краткое представление о некоторых из этих решений.

2-е отделение Верховного административного суда — решение от 23.03.1994.

Верховный административный суд, проводя предусмотренную законом проверку решения прекратить судопроизводство, осуществляемое административным советом провинции Малатия постановил, что уголовное судопроизводство по статье 245 Уголовного кодекса (плохое обращение, использование насилия государственным должностным лицом, уполномоченным применять силу в соответствии с законом) должно быть начато против обвиняемых, четверых полицейских из полиции безопасности Малатии, которые, как утверждается, избили подозреваемого во время допроса.

Другое решение Верховного административного суда по такому же вопросу (решение от 7.10.1993) касалось провинции Адияман. Оба эти района (Малатия и Адияман) расположены на юго-востоке Турции.

8-е криминальное отделение Кассационного Суда — решение от 16.12.1987.

Обвиняемые были приговорены к 4 годам 5 месяцам и 10 дням тюремного заключения за смерть, вызванную применением пытки (статьи 452/1 и 243/1-2 Уголовного Кодекса).

Кассационный суд поддержал эти приговоры, вынесенные Первым отделением суда присяжных Мардина (в юго-восточной Турции).

8-е криминальное отделение Кассационного суда — решение от 25.09.1991.

8-е отделение суда присяжных Анкары приговорило обвиняемых к 4 годам и 2 месяцам тюремного заключения и запретило им занимать государственные посты в течение 2 месяцев и 15 дней за плохое обращение с целью добиться признания.

Кассационный суд постановил, что, как говорится в документах, доклады экспертов создали достаточную основу для решения суда низшей инстанции. Однако он его отменил на основании технической ошибки, заявив, что суд применил минимальную меру наказания, поскольку он основывал свои расчеты на назначении минимальной меры наказания.

Обвиняемый был приговорен к 4 годам 5 месяцам и 10 дням тюремного заключения за лишение жизни заключенного. Этот приговор, оглашенный 6-м отделением суда присяжных Стамбула, был основан на обвинении в нанесении телесных повреждений, повлекших за собой смерть (ст. 452/1 Уголовного кодекса). Кассационный суд поддержал приговор, но посчитал, что

необходимо применить статью 243, в связи со смертью, последовавшей в результате применения пыток.

8. Несмотря на существование трех средств правовой защиты, о которых я уже говорил выше, заявитель не воспользовался ни одним из них, но только подал жалобу в Комиссию через Лондон. Он даже не обратился с жалобой к соответствующим властям — первый шаг, который каждый обязан сделать, когда он утверждает, что является жертвой чего-либо вообще.

9. Я не могу согласиться с мнением большинства, основанного на не подтвержденных утверждениях заявителя о том (что турецкие суды в данном регионе не предоставляли защиты, когда действия, о которых подана жалоба, были совершены служащими сил безопасности), а именно, что эффективность внутренних средств правовой защиты была сомнительной. Я считаю, что “там, где есть сомнения”, и особенно там, где есть сомнения, по мнению Комиссии, внутренние средства правовой защиты должны быть использованы (решение от 14 марта 1985 г. по делу *Ф. Гарсия против Швейцарии*, жалоба № 10148/82, DR 42 с. 99). А заявитель не сделал ничего подобного.

10. Как судья Готчев справедливо заметил в своем особом мнении по вышеуказанному делу Акдивар и другие против Турции в связи с правилом об исчерпании внутренних средств правовой защиты, чтобы прийти к такому заключению после того, как государство-ответчик продемонстрировало существование внутренних средств правовой защиты, обязанность по предоставлению доказательств (еще раз) ложится на заявителя; он должен доказать, что власти в этом районе страны сделали все его попытки привести в движение соответствующую судебную процедуру тщетными. Заявитель не предоставил никаких свидетельств в этом отношении.

11. Более того, в данном деле ряд обстоятельств вызвал спор между сторонами. Заявитель утверждал, что он сообщил органам прокуратуры о плохом обращении с ним во время содержания под стражей в полиции, в то время как государство-ответчик отрицало этот факт и предоставило доказательства в пользу своего утверждения. Суд на основании этого невыясненного обстоятельства дела, а именно, утверждения о бездействии органов прокуратуры, неприведших в действие процедуру уголовного преследования, заключил, что уголовно-правовое средство защиты было неэффективным.

12. Независимо от того факта, что в турецком законе имеются процессуальные нормы, в силу чего органы прокуратуры обязаны возбуждать уголовное судопроизводство, кто еще, если не национальные власти, могли бы прояснить это обстоятельство, которое является решающим для исхода дела? Только по одной этой причине жалоба заявителя в первую очередь должна быть подана в турецкие суды с тем, чтобы можно было установить, были ли внутренние средства правовой защиты эффективными.

13. Поэтому, так как требования статьи 26 Конвенции не были удовлетворены, Суд должен был поддержать предварительные возражения Правительства относительно исчерпания внутренних средств правовой защиты.

14. Вышеизложенные рассуждения освобождают меня от рассмотрения существа дела.